

Василий Попов
Мой бумажный демон

Мой бумаж
ый демон
Мой бумажн

18+

Василий Львович Попов

Мой бумажный демон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43152904

SelfPub; 2021

Аннотация

Прозаичная, частично зарифмованная мистическая фантазия на тему стоимости человеческой души. Результат короткого, но тесного сотрудничества простого обывателя с общепризнанным монополистом в этом сегменте рынка.

Василий Попов

Мой бумажный демон

*Расписка, карты, стопка писем и банкнот,
Акции, донос, смертельный приговор...
То лишь бумаги.*

*Но, имея в номинале силу,
Творят историю и правят миром.*

Карточный демон, или «шестой»

– Что ты слышал о нем? – масляные от алкоголя глаза задающего вопрос смотрели зелеными «оливами», едва смоченными коктейлем, на соседа по столу, сидящего слева от Василия.

– Фактически ничего конкретного о нем самом, – понюхал содержимое бокала сосед, визуально – южанин, со странно смешанным акцентом речи и рано поседевшими висками. – И в тот же момент – всё! – Отпив половину коричневой жидкости из бокала, осмотрев собравшихся, говорящий улыбнулся золотистым солнцем южного побережья, всем своим видом давая понять, что узнал не совсем чистую руку «винодела». – За него говорят его дела: результаты его появления в жизни далеко не случайных людей очень эффектны и эффективны. После этого те же люди стараются его не упо-

минать все, а если и делают это, то осторожно и предпочтительно шепотом...

– Интересная личность...

– Не то слово. Карту!

Крупье молча бросил на зелень сукна карту – так не уверенные в правильности своих действий кидают нищим подать.

За столом пять игроков. За дверьми комнат и коридоров некоторых из них ожидают телохранители. Закрытый клуб. Здесь вращаются большие суммы. Здесь не произносятся имен. Обезличивающие номера за столом. Никаких источников связи. Все, что происходит в этой комнате, остается здесь и здесь же умирает. Образно. Но когда-то раньше...

– Черт! – сбросил со щелчком карты игрок («третий», сидящий напротив Василия, – со сломанным носом и ушами, абсолютно лысый и грузный мужчина за сорок). – С самого утра не везет: как с женой не заладилось, так и пошло на весь день. Ни отношений тебе, ни карт, ни жизни. – Владелец внешности бойца из времен кровавых разборок, выпив, поморщился. – Ну и пошло! Такое же, как карты и личные отношения, как, впрочем, и сама жизнь...

Собравшиеся только по регламенту игры были инкогнито. За этим столом не играли, не узнав предварительно друг о друге все досконально. Задействованы были все возможные информационные источники. К началу игры всё для всех было прозрачно. Окружение. Связи. Родственники... Абсолют-

ная невозможность игры на одну руку. Во избежание «кровавых бань», коими закончились несколько из подобных больших покерных вечеров. Теперь это в прошлом.

И ни для кого из собравшихся не было секретом, что именно это «пойло» и поставлял только что скинувший карты человек. Более того, «третий» являлся монополистом всего контрафактного алкоголя соседнего региона уже более десяти лет. Ничто не брало его. Ни смерть в криминальных войнах, ни болезни за грехи, ни кризис, ни отделы по борьбе с организованной преступностью.

Василий про себя окрестил его «заговоренным».

– Тебе, «третий», необходимо снять напряжение. – Человек с лицом, похожим на морду ежа, как, впрочем, и с подходящей под этот образ прической (номинально – «первый»), повысил ставку, накрывая свои карты рукой с перстнем с невероятно красивым рубином на безымянном пальце. – Я всегда так делаю. Как только почувствую – не прёт, все – сигнал, звоночек мне. Беру молодую девочку, главное, незнакомку, и лечу куда-нибудь на море, где до этого никогда не был раньше. Такое, знаешь, погружение в незнакомое, неизведанное. Пока мозг и организм занимаются этим незнакомым, адаптируются, осваиваются, ты забываешь про все проблемы, неурядицы и, как правило, – «первый» паровой трубой выпустил к потолку дым кальяна с ароматом яблока и корицы, – когда возвращаюсь, все идет по-новому – гладко и идеально, срастаясь...

«Еж» (для Василия), он же «первый», не вышел по осени из смешанного европейского леса. Он, так же как и «алкомонполист», в чистый бизнес по застройке частного сектора вышел, а скорее выпал, из грязного бизнеса. Не искоренить из трансформированного образа ни безграничную алчность в глазах и готовность на все, ни виртуальную золотую цепочку, надетую поверх одежды (он до сих пор ее периодически поправлял); ну и видимые шрамы на пальцах от избавления наколотых тюремных перстней при помощи первых лазерных технологий.

Наркотики. Оружие. Проституция. Крышевание всего вышеперечисленного. Но теперь «ёж», даже слыша о подобном, округлял глаза, едва ли не крестясь и шепча молитву. Именно так он и отреагировал на последующие высказывания за столом.

– Или попросту нужно почистить карму, – это заявил Василий, кивком прося у крупье дополнительную карту. – Карма может быть очень загрязненной, это как тень, мешающая личному лучистому счастью, это идет непосредственно из прошлого каждого индивидуума...

– Ты сам-то ее часто чистишь? – перебивая, «заговоренный монополист» удивленно вскинул вверх брови.

– Регулярно, – Василий поднял ставку выше, небрежно рассыпая по столу фишки.

– Чем же?

– Кокаином.

Удивление в глазах с последующими улыбками на лицах передалось и остальным, как визуальное милосердие в рядах членов комиссии в палатах клиники неизлечимых больных. Только внезапная задумчивость застывшего с колодой в руке крупье выделилась из общей массы.

– И что – получается? – это спросил южанин. Он-то знал все о кокаине. О количествах, ценах на рынке, о закупочных ценах, транзитах и трафиках, маршрутах и предстоящих полицейских рейдах, международных розысках и прочем всем сопутствующем. Только сам он теперь торговал электроникой. Для всех, для каждого и даже для себя... А самому ему казалось порой, что он торговал ею всю свою сознательную жизнь. И даже сам верил, что закончил тот самый Институт международных отношений, чей диплом бережно хранил у себя дома между пачек с твердой, как камень, на данный момент валютой.

– Конечно, получается. – Василий сгреб выигранные фишки в кучу и занялся их ценовой и цветовой селекцией. – Всего неделя – и такой чистки хватает мне на несколько беззаботных месяцев.

– Во дает! – «Монополист», морщась, выпил еще, принимая карты с новой раздачи, внезапно «порадовал» всех вполне ожидаемым полным отсутствием слуха, пропев: – *Быстро, быстро в темне кокаиниста и бес-смы-сленностью морфиниста...*

По старому обычаю, разминались играми «21», «Рамс»,

«Свара»...

Выглядел немым только сосед справа. Но за него обычно говорили его красивые музыкальные руки. «В противовес» основной массе, он пришел играть, и играть серьезно. И по другим причинам он был антиподом. Если все, зарывая свои прошлые грехи в грядках показательно добрых дел, старались в этом из всех сил, то этот человек не скрывал своего прошлого. Зачем? Выходец из семьи музыкантов, окончивший консерваторию по классу фортепиано, устал от жизненной унылости амплуа своего семейства. Жизнь для него казалась безрадостным звуком взятого аккорда расстроенного напрочь инструмента.

Он случайно открыл для себя карты. Его длинные пальцы идеально подходили для карточных манипуляций. Слух – для понимания изменения тональности голоса игрока, блефующего или нет. Наблюдательность и аналитические способности – для подтверждения предыдущего.

Но сегодня он пришел играть с задержавшимся гостем. Неанонсированный, но ожидаемый финал.

«Шестой». Личность легендарная. Для тех, кто сталкивался с ним. Кто обращался к нему. Кто слышал о нем. Все было покрыто тенью и мраком. Мраком, преимущественно кровавым. Но люди вопреки этому стремились к нему и искали встречи. Остро нуждаясь. Ежечасно «проблемируя» всё и вся вокруг себя. Испробовав, по их мнению, всё и устав от безысходности. Ища спасения «спасителя». Часто используя

формулировку «это касается жизни и смерти». Может, это и было ключевым словосочетанием, притягивающим пришедшего последним. Или приходящего...

Сказать больше, ждали его все присутствующие. Но каждый со своей проблемой, со своим наболевшим, пропитанным безысходностью и обреченным...

Он появился, и появился эффектно. Долгожданно, как дождь с живительной влагой после убийственной засухи. Дверь открылась, разделяя пространство на прошлое и будущее. На возможность встать и уйти и, наоборот, пойти вперед и уже никогда не вернуться. Пока она безмолвно «скрипела», желания игроков разнились, разделяя на части кадрами их прошлую жизнь и вероятное будущее. Трусливые импульсы погасил сам пришедший.

Приятный. Жизнерадостный и воодушевленный. Могло показаться – влюбленный. Глаз притягивающий. К себе располагающий.

– Вечер добрый. – Все сверкнуло в пришедшем: глаза, перламутровые зубы в улыбке и камни на «дороженных» брендовых запонках манжет бордовой сорочки, «выступающей» вечерним приливом из-под красивого зеленого пиджака.

Сглотнул слюну крупье. Громко. Слышимо для всех. Это было стартом для облегченных вздохов дождавшихся и их нестройных ответов на приветствие.

– Вы шестой, – неуверенно проговорил крупье.

– Ну что ж, мне не впервой, – громко гремя и в тот же момент с грацией, занял свое место пришедший. – Кровью-то как пахнет, а!?! – снова сверкнул всеми своими природными и искусственными «аксессуарами» пришедший, окинув интерьер комнаты в стиле увядшего постмодернизма.

– Всякое здесь бывало, – знатоком этого «всякого» за всех ответил южанин. – И крови тоже хватало.

– Ну куда ж без нее-то, без родной, уважаемые!?! Жизнь ведь в ней, – счастливо улыбнулся «шестой», и только теперь Василий обратил внимание, как уникально разнятся глаза долгожданного гостя: в разной степени яркости света один из глаз становился синим, второй – зеленым, и наоборот – они менялись. Они не могли быть одного цвета одновременно. – Во что играем?

– Покер, – за всех ответил крупье и снова едва справился со слюной. – Правила стандартные, всем, я думаю, известные. Сменить колоду?

Он готовой на все девственницей смотрел на последнего прибывшего игрока.

– Мне все равно, я без отрыва от коллектива. – «Шестой» же смотрел на необъявленного игрового оппонента. – Тем более, что играть пришли не все, так ведь?

Основная масса за столом, смущаясь, нахмурилась, пряча глаза, словно излишки от налоговой инспекции. Невозмутим был настоящий игрок, балансирующий на грани, разделяющей каждую партию на мелодию, состоящую из музыкаль-

ных нот, и на холодный расчет, обусловленный правилами игры. Но то и другое было для него искусством. Он пробовал ноты во внешнем облике сидящего напротив игрока и пытался сыграть мысленно прочитанную им мелодию, а затем уже и переложить ее на свой лад. Аранжировать. И играть по-своему. Так, как ему это нужно. Его полету души, фантазии...

– Поменяй, лишним не будет, – «спас» всех южанин от нависшего тяжестью безмолвия.

Игра была скучной и немногообещающей. Выигрыши переходили из одних рук в другие монотонно. Поэтому «шестой» решил удовлетворить всех собравшихся поэтапно, никого не исключая.

– Раз уж все мы здесь собрались, – он обвел зелено-синим взглядом сидящих вокруг, зеленый глаз при этом словно сканировал, а синий уже целился, выбрав жертву, – и игра скучна, как траур на поминках, давайте изменим ставки! Вы все знаете о моих связях в разных социальных кругах и возможностях, что дают эти связи, ...и именно поэтому все вы здесь. Почти...

«Шестой» только мельком взглянул на игрока, пишущего мысленно свой победный марш. Тот ответил демонстративной невозмутимостью.

– Вот вы, уважаемый, – «Шестой» снова сверкнул глазами, излучая зелено-синий огонь, – пришли сюда просить о помощи в разрешении своих проблем, связанных с вашим

бизнесом?

Кадык алкогольного магната дернулся, напоминая всем перезарядку помпового ружья.

– Ну да...

– Отлично, – «шестой» со щелчком перебирал фишки руками со слишком выпирающими костяшками кистей. – После раздачи играют двое. Выигрываете вы – я разрешаю вашу проблему, и вы продолжаете безбедно жить, выигрываю же я – вы отдаете мне расписку некой Дианы, десятилетней давности, хранящуюся в вашем сейфе в подарочной коробке с бриллиантовым колье, под ее бордовым бархатом?..

– Откуда ты об этом...? – «Помповое ружье» магната дернулось подряд несколько раз, но так и не выстрелило.

– Задаем вопросы или играем?

– А гарантии?

– То, что я здесь, и рекомендации, данные вам обо мне, – разве этого не достаточно?

– Тусуй! – магнат кивнул крупье, символично выставив самую маленькую по номиналу фишку.

Из кисти руки «шестого», «жонглирующего» фишками, в ответ на сукно стола выпала одна из них, равнозначная по цветовому и цифровому достоинству.

Это вызвало сдержанные улыбки за столом. Но короткие. Карты раздавались на всех игроков, разлетаясь лопастями вентилятора, чьим мотором являлись руки крупье. Играли двое. Восьмерочный сет магната перебил двух тузов «шесто-

го».

И все-таки «помповое ружье» магната выстрелило: изрядно вспотевший, он прокричал что-то невнятное триумфальное вверх, видимо, обращаясь к какому-то своему богу, поднимая массивные руки и красное лицо к потолку.

– Поздравляю, – развел руками, сверкнув запонками, «шестой» и поднялся. – Мои инструкции только для победителя. Да простят меня остальные, это буквально дело пары минут.

Они удалились в смежную комнату. До сидящих за столом доносился гулкий и непонятный звук диалога. Все игроки переглядывались между собой, подавляя внутри разные чувства.

– Кто следующий?

– Давайте я... – выпрямился за столом «ёж», и Василию показалось, что он разглядел приколотую к иголкам его прически дубовую осеннюю листву. – Ваш интерес, мой интерес?..

– Ну ваш мне очевиден, – «шестой» облизнул слегка подсохшие обветренные губы. – Анонимный свидетель по очень важному для вас и недавно возобновившему ход делу. Вам нужно его имя. Не так ли?

– Совершенно верно... – «Ёж», выпрямляясь еще больше, вновь поправил несуществующую золотую цепочку на шее. – Что тогда... нужно вам?

– Пустяк. – Его противник хрустнул костями кистей и

сверкнул всем перечнем своих «аксессуаров». – Та пачка компроматов на ныне действующих представителей администрации вашего родного города, в прошлом являющихся лидерами криминальных сообществ; те материалы, что хранятся у вас на даче, в железном ящике, под деревянным настилом беседки...

– Однако... – «ёж» покачал головой, скидывая несуществующие замерзшие яблоки с иголок. – Можете удивить!

– Ставка равноценна? – «Шестой», играя цветом глаз, пододвинул фишку к полю для ставок.

– Вполне, – «ёж» ответил, бросая на сукно покатившуюся к центру фишку. – Сдавай!

«Шестой» блефовал в процессе игры, поднимая ставку по максимуму. В итоге его одинокий валет был побит двумя семерками соперника.

Все эмоции, выражаемые на лице не меняющегося за столом игрока буквально «считал» «музыкально-игровой гений» и удовлетворенно расслабился, мысленно закончив свой шедевр.

Ничем не выражающий свои эмоции «ёж» скрылся за дверью с игроком, проигравшим ему. Все тот же дверью разделенный, непонятный диалог для остальных игроков.

Южанин, молча подняв руку, сделал заявку на игру. Вером разлетелись карты. Оппоненты смотрели друг другу в глаза.

– Я знаю, что вам необходимо, вы уже это понимаете. –

«Шестой» мелкими глотками пил гранатовый сок. – Но я озвучу на всякий случай. Объемы кокаина, поставляемые вами в контейнерах с аппаратурой в Европу, очень долго проходили незамеченными, и внезапно вся построенная вами эффективная система дала сбой сразу в нескольких странах. Вы понесли убытки – сотни килограммов первосортного продукта, – «шестой» с пониманием взглянул теперь уже на сглотившего слюну Василия, – и соответственно, финансовые потери. Аналитически вы выяснили, на каком уровне произошла утечка информации. Это близкое окружение. Обезопасить себя, ликвидировав всех, вы не можете. Вам нужен точечный удар и стопроцентный. Без этого не построить новую рабочую схему... Не будет прочной базовой опоры...

Южанин, не отрывая глаз от говорящего, молча играл желваками.

– От вас, если вы проиграете, – «шестой» поднял подбородок высоко вверх, сверкая поочередно разноцветностью глаз и зубами в слегка оскаленном рте, – мне нужен древний манускрипт, хранящийся в стеклянной колбе, доставшийся вам по материнской линии от вашего прадеда...

– Согласен, – южанин усмехнулся снисходительно. – Никогда не понимал, для чего он. Никем не прочитанный, никем не озвученный... Бесполезная семейная реликвия.

Он проиграл. И поднялся, качаясь, словно борясь со всем тем, что навалилось обратно на его плечи вместе с этим проигрышем.

– Завтра в восемь в вашем офисе, я заберу манускрипт! – Тут же забыв о качающейся у двери фигуре проигравшего, «шестой» с улыбкой смотрел на двух оставшихся оппонентов.

Останавливающим жестом он прервал попытку Василия заявить о себе.

– На вас закончим, – он посмотрел в глаза Василия, которому показалось, что зеленый глаз его (в данный момент левый) смеялся, а вот синий (соответственно, правый) холодил, и холодил, леденяще прожигая насквозь внутренности и, главное, разум. – Да и молодой человек дышит нетерпением, спеша представить на наш суд восхитительную, свеженписанную им мелодию. Просим!...

– Если выигрываю я, – голос молодого человека оказался приятным и мелодичным, как сама музыка (все оставшиеся без исключения заслушались его тональностью), – то ты перестаешь играть в карты совсем: ни в одном казино мира, ни в одном закрытом клубе, ни на одном заброшенном чердаке или поляне в парковой зоне не должно существовать тебя как игрока! Максимум как зритель.

«Шестой» улыбнулся, и Василию показалось буквально на миг, что его клыки слегка заострились и удлиннились. Но всего лишь на миг. Этого хватило, чтобы испытать ужас. То же короткий, но сдавливающий грудь и мешающий свободно дышать.

– Что ж, я понимаю... – Потенциальный ответчик сно-

ва улыбнулся. – Ваши амбиции, стесненные условиями моей конкуренции, не дают вам спокойно жить... Я принимаю ваши условия. Но если выиграю я... – он дождался ответной улыбки оппонента, уверенного в своем выигрыше, говорящий на секунду задумался визуально. – У вашего отца... хранится старая нотная тетрадь одного известного композитора восемнадцатого века. Сонет, не известный для всех, но не для вашей семьи. Недописанный, внезапно оборванный на минорной ноте...

Василий услышал, как хрустнули в сжатии зубы молодого музыканта.

– Вы помните? Конечно же, помните... – глядя поверх молодого человека, продолжил «шестой», своим голосом холодея спины сидящих за столом. – Этот сонет для вас неизбежаем. Отец заставлял вас играть его, добиваясь от вас сочинения его продолжения, делая ненавистной каждую ноту произведения для своего сына и всю музыку взятую в целом. Но вы не могли отказать. Ваша семья верила в вас и что это украденное еще вашим далекими предками недописанное произведение сделает вас знаменитым. Сочини вы ему красивый финал, – даже более известным, чем ее реальный автор, или как минимум... поставит вас с ним на одну ступень. Интересная судьба... неоконченного шедевра. – Он задумался и, вновь оживившись, посмотрел своим «разноглазием» (один цветом индиго, второй болотной топи) в глаза тяжело дышащего «бывшего» музыканта. – Так вот, если вы-

играю я, то эта тетрадь...

– Даже если это случится, я расстанусь с ней очень легко! – улыбнулся, перебивая говорящего, успокоившийся внезапно молодой человек.

– Даже если придется выкрасть ее из дома родного отца, – глоток гранатового сока вновь сбил сухость, образовавшуюся во рту «шестого», – с которым вы не общаетесь по понятным причинам десяток лет и который от вас отрекся, несмотря на причитания вашей стареющей и любящей вас матери?

– Я же сказал: легко. – В глазах молодого игрока взволновалась морем снисходительная неприязнь.

Крупье сглотнул слюну от напряжения. За ним повторил Василий, по той же причине.

– Усложним задачу, – «шестой» думал только секунду, меняя поочередно цвет глаз, качая головой из стороны в сторону. – Всю оставшуюся жизнь каждое второе воскресенье, начиная со следующего, ты будешь приезжать ко мне, где бы я ни находился на этой планете, и играть. Играть ту самую мелодию. Перед лицом твоим будет лежать тетрадь, тобою так ненавистная тетрадь...

– Этому никогда не бывать! – молодой человек засмеялся, наполняя комнату эхом, пугая крупье и Василия смехом, не сказать что вменяемым.

Они играли. Не глядя в карты. Глядя друг другу в глаза. Молодой человек смеялся негромко «остаточным» смехом. Волосы на головах двух других присутствующих «шевели-

лись» от страха, и крупье, и Василий, полностью разделяли чувства друг друга при этом. Не видя. Лишь осознавая, что они просто есть за этим столом...

Он проиграл, несмотря на саранжированную им внутренне победоносную и нерушимую мелодию. Его два короля были биты шестеркой «шестого», скомбинированной с двумя шестерками же, выложенными на «доске» дрожащим от страха крупье.

С проигрышем смех молодого человека перешел в истерический. Он так, поднявшись, смеясь, и покидал комнату. Пока его не остановил голос победителя.

– Я не запрещаю вам играть в карты, заметьте, – он с тоской во взгляде смотрел на развернувшегося и затихшего проигравшегося человека, чей взгляд был наполнен обреченностью, – но я вам рекомендовал бы лучше играть на фортепиано и попытаться сочинить концовку произведения. Поверьте, в моем присутствии это делать будет в разы мучительней, чем в детстве. Настоящее название сонета, кстати, – «Луч утренней звезды в тених райского сада». Может, это вам поможет. В тетради, насколько я знаю, он без названия... Держайте!

Дверь закрылась за невнятно бормочущим молодым человеком, и, что странно, теперь закрылась со скрипом. Скрипом, пугающим оставшихся компаньонов «шестого».

– Не бойтесь, Василий, – улыбнулся он, сверкая зелено-синим калейдоскопом глаз, – с вами я играть не буду. –

Этим он заставил легко вздохнуть крупье, более того, «шестой» взял из его рук колоду и принялся карты профессионально тусовать. — Я знаю, зачем вы здесь, скажу больше, мы не будем играть только потому, что я здесь за тем же. Так зачем нам ненужный поединок, если наши цели близки по смыслу?

Он выразительно взглянул на крупье. Шум отодвигаемого стула. Хлопок скрипнувшей двери. Глоток гранатового. И холод всей Арктики под намокшей на спине рубашкой Василия.

— Вы пишете, Василий, — он улыбнулся вполне мило и успокаивающе. Себя он, видимо, успокаивал манипуляциями с колодой карт. — И пишете вполне сносно. В среднестатистическом журнале с аудиторией класса социума также не выше, не ниже среднего. Это устраивает руководство журнала, вполне устраивает подписчиков, читающих ваши репортажи, как-то удовлетворяет вашу жену, чьи потребности слегка завышены ее прошлой жизнью со своими вполне respectable родителями. Но не устраивает вас. Вы хотите большего. И вполне закономерно осознаете, что можете больше. И этот сенсационный репортаж, который не вполне легитимно попытается протащить в СМИ ваш директор, мог бы поднять вас на определенный рейтинговый уровень. Ваш директор слышал обо мне, он знает, что репортаж вызовет резонанс, и он знает, на кого поставить в этой «игре».

Василий, не зная, что хочет сейчас он сам, его мозг, его

организм, почему-то налил себе тоже гранатового сока, вызывая улыбку на лице собеседника.

– Я предлагаю вам аналог – написать обо мне репортаж, – «шестой» стал серьезным, и от его глаз «радужно» повеяло холодом. – Побывать со мной какое-то время в компании, путешествовать по миру и, может быть, не только... Написать обо мне пусть не очень объемный, даже сжатый материал. Побудьте недолго моим биографом, Василий. – Он приятно «разноцветно» улыбнулся. – Это даст понять мне самого себя, увидев со стороны. И поможет вам подняться на определенный уровень на своем поприще. Подумайте!

– Я согласен, – Василий, расслабляясь, пожал плечами.

– Подумайте! – Он выкинул из колоды карту в сторону Василия на сукно стола. – Я так говорю, потому что у тех, кого я просил об этом ранее, не получилось, как-то не заладилось: у кого-то не выдержали нервы, кто-то не понял, не оценил объективно происходящего вокруг... Не спешите, поговорите с женой (я, кстати, неплохо заплачу). И в первую очередь, поговорите с самим собой. Мы встретимся завтра поздно. Пять минут после полуночи. Я не прощаюсь.

Василий поспешил из здания. Дрожа от холода в теплый летний вечер. Натыкаясь на турникеты в метро. Натыкаясь на прохожих на проспекте. Натыкаясь на собственные отговорки, динамично циркулирующие в голове. Внутренний диссонанс утих только дома. В коридоре он сунул руку в карман. Карта. Джокер(!), отсутствующий при игре в колоде. Но

джокер, не веселый, как шут и дурачок. Джокер, как демон. Как само зло. Карточный демон.

*

Отъезд и откровенья у камина

Василий играл. И играл по-крупному. Но каждой поднятой его картой был джокер с переливающимся цветом глаз. Игрок напротив – безликая тень – открывает написанный незнакомым языком манускрипт на каждой его карте. Результат – ничья. И крупье с кровоточащими стигмами на ладонях сдавал карты снова и снова. Рядом на воображаемых клавишах рояля играл музыкант, каждый раз обрываясь на последней ноте, а вместо него продолжала протяжно выть собака. Тоскливым воем по убиенному хозяину...

Василий проснулся в поту. Холодном и липком. Утренняя мгла сумерек расплзлась по спальне, поедая мебель. Рядом мирно спящее лицо. Ее лицо. Алчно-красивой и красиво-алчной. Первое – потому, что смотреть на ее красоту хотелось долго, взахлеб и жадно наслаждаясь, ревностно закрывая от взглядов остальных. Второе – понятно без объяснений.

Он отвернулся, намереваясь бесшумно встать.

– Ва-силий... Кис-кис, – раздалось по-кошачьи тягуче. – Вас-sss-илий, – уже более протяжно и сексуально, и в итоге требовательно: – Василий!

Царапанье когтей по его едва остывшей от пота спине. Его поникший вздох. Его имя (отождествление всех кошачьих на

земле), ставшее раздражителем всей его сознательной жизни, именно в ее устах звучало скверной.

Как он вообще мог ее любить? Любить это!? Сочетание всех...

– Мне нужно будет уехать. – Сев, он лишь в четверть оборота повернул к ней голову. – И возможно, надолго.

– Что? – алчное раздражение в голосе.

– Это командировка... И командировка как возможность повысить свой профессиональный статус и укрепить наше финансовое положение.

– А мне что делать?

– То же, что и раньше.

– Без тебя? – крайняя степень красивого возмущения.

То, чем она занималась, было ничем. Треп и еженедельный шоппинг с подругами. Треп всевременной и повсеместный. Заканчивающийся в телефонных разговорах дома и даже за полночь в постели. Полезностью являлись только её личные занятия фитнесом и сбалансированное питание семейной пары, ну и, может... чтение репостов великих философов в соцсетях. Иногда их применение в быту.

Василий принимал в этом пассивное участие в превосходной степени.

– Ну ты же справлялась как-то без меня со всем раньше?!

– Но я знала, что ты всегда рядом в конце концов, – гневно всколыхнулся шелк постельного белья за спиной.

Странная особенность всей женской половины челове-

ства: если ты не занят официально и не рядом с нею еже часно, то ты обязательно занят чем-то, порочащим ваш семейный союз. В эту же кучу сейчас сгружалась и внезапная полуофициальная командировка Василия.

— А если вместо меня... — Василий все-таки игрок и знал, когда приходит время доставать козырного туза из рукава, — с тобой будет сумма, позволяющая в мое отсутствие тебе безбедно существовать и в компании своих подруг греться на южном побережье Франции?

— Васссс-илий! — красивый упрек и алчная заинтересованность.

— Так что? Справишься?

— Ну если это только так необходимо для твоей карьеры...

— Договорились.

Василий отправился в душ смывать с тела пот своих ночных кошмаров, с мозга — пот ежедневных его сношений со спутницей жизни.

Директор на ура принял предложение, сделанное Василию, и даже «выписал» приличные командировочные и обещание перспективных подъемов во всем. От объема количества строчек в журнале и оклада до пресловутой карьерной лестницы.

Василий мысленно поставил директора в один ряд со своей красивой и алчной, попросил их склонить друг к другу головы, улыбнуться и сфотографировал сложившуюся приятную для его глаз пару. Затем порвал фото. И раздраженно

склеил снова. Все это проделав так же мысленно.

– Василий!?! – Директор, видимо, не первый раз обращался к задумавшемуся подчиненному. – Когда едете?

– Все решится сегодня ночью.

– Почему ночью? – встревожился директор и тут же расслабился с пониманием. – Хотя такая персона... Как же иначе? Главное, не забудь: больше снимков! За эксклюзивные фото – эксклюзивные гонорары.

С каждой минутой приближения полночи все тоскливее и тоскливее ныло сердце в груди Василия. Где-то внутри его дрожащим басом поигрывал гобой и контрабас той же басовой струной. Холодный пот эполетами застыл на плечах Василия, требуя к себе почета, уважения и соответствующей отдачи чести.

Словно лишаясь той же чести, кричала красивая в последний предкомандировочный секс. Алчная ее часть, разложив купюры командировочных Василия пред своими голыми ногами, обсуждала по телефону с кем-то из подруг их предстоящий отпуск. Отпуск как отдых от «ничего» и от Василия тоже.

– Надо и ему тоже дать отдохнуть, – вполне откровенно убеждала она свою собеседницу по телефону.

В полночь Василий в панике выбежал из квартиры, абсолютно не понимая, как он встретится со своим компаньоном!

Он едва не сбил пожилого, вечно курящего соседа на лест-

ничной площадке, от которого всегда пахло дешевым табаком и одеколоном из далекого социалистического детства.

– Василий... – услышал он холодающее и далеко не соседское за спиной. – Вы в спешке забыли загранпаспорт.

Остановившийся на лестнице, подняв голову, встретился с хитрым взглядом разноцветных глаз.

– Без этой бумажки, – «шестой» наигранно вздохнул, – пока еще документально весомой, вас не впустят в места, где нам предстоит побывать. Я понимаю: бюрократия и все такое, но тем не менее. И передайте вот... жене.

Он сунул проходящему мимо в руку несколько пачек денег с самой твердой на свете валютой.

Василий смотрел на пачки денег в коридоре, а видел развязно ведущую себя красиво-алчную среди танцующих вокруг нее мужчин в шляпах из времен сухого закона. Горы кокаина, алкоголя и «вовсюда» проникающего разврата.

– Ого, Василий... – Красиво-алчная с пониманием приняла «дары» из его рук. – Ты далеко пойдешь.

Ее мужчина с паспортом, зажатым в руках, словно в зубах, в панике выскочил из квартиры.

*

Полночь была мягкая, как свежескошенная трава. Такая же пахучая и толкающая на сентиментальные раздумья. Луна, словно устав «шляться» по небу, застряла в одном из матовых облаков, монохромно светя в сторону Земли.

Василий сидел рядом с «шестым» на заднем сидении ав-

томобиля, мягко покачиваясь и раздумывая над эпиграфом и началом биографии спутника вообще. Он как-то странно и «предвзято» видел финал произведения о нанявшем его на работу.

«Как, кстати, его...? Шестой, шестой... Как-то бестактно...»

– Грюмо.

– Что? – не понял сначала, не полностью выходя из своих размышлений, будущий биограф.

– Вы можете меня звать Грюмо, Василий! – Он вращал перед собой стеклянную колбу с постукивающим о стекло пожелтевшим свитком папируса.

Вторая часть Василия догнала первую, и они совместно дали возможность для возрождения целостной логики.

– Это тот самый?

– Да, – в свете салона сверкнули гранями бриллиантов си-не-зеленые глаза. – Что-то можете сказать о нем?

– Не прочитав? – удивился Василий, словно внезапно выпавшему снегу в июне. – Будет нелепо предполагать... Я ведь лишь посредственный писатель, а не обладатель аналитически-дедуктивных способностей, как пресловутый Шерлок Холмс.

– Да, Шерлок... – Грюмо улыбнулся, сверкнув саблями клыков, словно вспоминая о своем старом друге. – Я дам вам подсказку: здесь есть смысл для одного и полное его отсутствие для другого, это убило многих, и, в противовес, дало

жизнь другим. Как и в любой бумаге, в этом есть сила для одних людей, и они остро нуждаются в ней, и наоборот, бесполезность для других, как и для большей части последних ее хозяев этой, в смертельной спешке написанной, очень старой бумаги... Достаточно?

Василий отвернулся в замешательстве, глядя в окно, разыскивая ответ в роще поникших мачт яхт, дрейфующих возле побережья.

– Под это описание можно подогнать любой предмет, – Василий возмутился ребенком, что в магазине незаслуженно не получил долгожданную игрушку. Тут же открыл мини-бар авто и вынул из его ячейки никелированную зажигалку. – Взять хотя бы этот? Для курильщика это явная необходимость, порой проходим для избежания фатальных финалов уличных конфликтов ее так часто не хватает. Для некурящего это лишь красивая безделушка. И в ней есть огонь, а в определенной ситуации это действительно сила, и наоборот, неостребованна, когда нет нужды. Она зажжет огонь в холодном ночном лесу и спасет вас, но засорится песком бесполезно в дневной пустыне, а ночью, с уходом солнца, опять же...

– Однако, Василий... – с задумчивой улыбкой проговорил Грюмо, выражением сказанного напоминая алчную и красивую. – Однако... Но способна ли она развязать войну и, наоборот, сохранить мир при рассмотрении ее как чего-то символично-значимого?..

– Почему же нет? – Василий, качнувшись мягко вместе с авто на кочке, чиркнул колесом зажигалки, до конца не улавливая смысл в услышанном. – Банальный поджог начал много конфликтов, копните историю, Грюмо!

Грюмо, видимо, на той же кочке качнувшись, отклонился от собеседника. Василий, повернувшись к нему, увидел блеск глаз, сине-зеленой ненавистью смотрящих на огонь. Так смотрят на врага. Совершившего героический подвиг. Взятых в плен и обезоруженного. Но еще не обескровленного. С ненавистью и крайней степенью восхищения в один и тот же момент.

– Мало... – Василий погасил огонь зажигалки и зажег его снова, искря колесом и кремнем.

– Вам мало огня? – Грюмо удивленно, со вздохом и едва сдерживаемым желанием смотрел на вновь вспыхнувшее пламя, освещающее модный интерьер салона и монотонно качающихся в такт в движения в нем пассажиров. Сине-зеленый огонь отражался в глазах.

– Мало информации о древнем писании, вот я о чем, – Василий щелчком закрыл крышку источника света и огня, гася его, – чтобы делать какие-то минимальные умозаключения.

– Информация... – Грюмо взял из руки Василия, слегка дрожа и возбужденно дыша, блестящую, ставшую уже банальной бесполезностью зажигалку. – Именно информация хранится в написанных строках этого папируса... – Как артефакт – древний, бесценный, принадлежащий царственно-

му роду – рассматривал зажигалку Грюмо. – Эта бумага и остановит едва не начавшееся событие, как и ее отсутствие в древности не развязало начало масштабного и все убивающего конфликта...

Он положил со вздохом неудовлетворенного желания зажигалку в ячейку бара. С какой-то мимолетной завистью взглянув на Василия.

– Может, вы поймете все при встрече, на которую мы приехали. – Машина, словно ожидающая его слов, плавно остановилась. – Но помните: здесь вы как лицо незаинтересованное, а нас ожидающий человек – инкогнито, как недавно игроки за нашим карточным столом, хоть он и в разы известней, а значит, уязвимей. Будьте осторожнее и постарайтесь своим поведением не испортить все. Потому что неизвестно, к чему это все приведет...

– Что, так все серьезно? – Василий, не отрывая глаз от собеседника, выбирался через открывшуюся перед ним услужливо дверь.

– Поверьте, мой друг, – Грюмо, оскалившись, сверкнул глазами, глядя в пустоту салона. – Ворошить историю, так же как и творить ее, – очень опасное и ответственное дело...

Голос Грюмо заглушил крик птиц, доносящихся из-за лиственного забора большого особняка. Цветочный запах напомнил о первых школьных свиданиях и несмелых касаниях нежных рук. Но рука стоящего возле автомобиля была грубой и мужской. Она указала на массивную лиственную

арку. Ноги фактически утопали во мху заросшей дорожки. Сад был похож на сказку. Красивую и заброшенную. Ожидаем был крик лешего или ведьмы. Но снова раздался голос Грюмо, идущего сзади, размножающийся глуховатым подвальным эхом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.